

- 10 Окреме питання — походження назви «Славу́та» — вирішувати тут не місце. Утім можна зробити декілька зауважень. В обох згаданих польських творах вона виступає тільки в «запорозько-козацькому» контексті. Це могло би підказати, що гідронім «Славу́та» виник не раніше, ніж дніпровське козацтво. До речі, вірогідним є вплив польської мови. У старопольських текстах XVI–XVII ст. широко представлено слово *śląwety/śląwaty* (*Słownik staropolski*. Tom 8, Zeszyt 4 (51) (Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980), 272), звідки на східнослов'янському мовному ґрунті легко утворюється «Славу́та» (з переходом *ę/a* > у і збереженням кореневого а). Відоме зі *Словаря* М.М. Тупикова прізвище «Славутич» відзначено в джерелах під 1601 р. і належало слонімському зем'янину (Тупиков Н.М. *Словарь древнерусских личных собственных имен*. СПб., 1903, 751), а отже, походило теж із Речі Посполитої. Примітно, що давньоруське «словутый», яке нерідко порівнюють із назвою Дніпра в *СПИ* (*Словарь-справочник «Слова о Полку Игореве»: в 6 выпусках*. Вып. 2. Л., 1967, 31 — доповнення), відоме тільки за текстом *Галицько-Волинського літопису*, пам'ятки, створеної майже на кордоні з польським мовним ареалом («словоутного пѣвца . митосуоу» (*ПСРЛ* 2: 794)). Решта прикладів уживання слова «словутый» походять із текстів XVI–XVII ст., див.: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 25, М., 2000, 61, 107.

Вадим Арістов

О прозвании Юрия Владимировича Долгоруким

Многие князья Древней Руси в источниках и историографии упоминаются не только под своим именем — «княжеским» и нередко крестильным, дававшимся священником во время официальной церемонии крещения, но и с прозвищем.

Известные княжеские прозвища («прироки») имеют различное происхождение. Чаще всего они указывают на свойства характера, наклонности и доблести их носителей. Например, черниговский князь Святослав Давыдович за свою чрезмерную набожность, увлѣкшую его в Киево-Печерский монастырь, получил прозвище Святоша. Князь Мстислав Ростиславич, который, по свидетельству летописца, «много пота оутерь . с дружиною своею . и не мало мужьства показа» был позже справедливо прозван Храбрым, «бѣ бо крѣпокъ на рати . всегда бо тоснашетьса оумрети за Роускоюю землю . и за хрѣтъяны»¹. Его сын Мстислав Мстиславич, очевидно, по той же причине прослыл Удалым (Удатным). Новгородский князь Александр Ярославич за свою победу над шведами на реке Неве в 1240 г. получил прозвище Невский, а московский князь Дмитрий Иванович, победитель Орды в битве на Куликовом поле у Дона, вошёл в анналы истории с прозвищем Донской.

Нередко основанием для прозвища могли послужить те или иные физические особенности, увечья. Так, черниговский князь Всеволод Ярославич, очевидно, за огненно-рыжий цвет волос прозывался Чермным². Известны также посесивные, владельческие прозвища. Например, жившего преимущественно в Берлади Ивана Ростиславича летописцы называли «рекомьи Берладник»³.

Не все, однако, «прироки» являются для нас достаточно понятными, смысл которых очевиден и не вызывает особых сомнений. Даже, казалось

бы, столь прозрачное по своему значению прозвище Калита (от слова «калита» — денежный мешок, сумка для денег), с которым в историю вошёл внук Александра Невского московский князь Иван Данилович, получило два принципиально разных объяснения. Князь либо был чрезмерно милостолубив и всегда носил с собой сумку с деньгами для раздачи бедным, либо же, напротив, отличался скупостью, жадностью до денег⁴. Целый ряд трактовок существует относительно происхождения прозвища Осмомысл, которым автор *Слова о полку Игореве* наградил галицкого князя Ярослава Владимировича⁵. Не таким простым, как это зачастую представляется исследователям, является и прозвание одного из сыновей Владимира Мономаха, родоначальника суздальской княжеской ветви и основателя Москвы Юрия Долгорукого⁶.

Прежде всего, следует заметить, что в древнерусских источниках князь Юрий Владимирович ни разу так не назван. В *Лаврентьевской* и *Ипатьевской* летописях он именуется как «Георги», «Юрги», но чаще всего — «Гюрги», иногда с прибавлением отчества — «Володимеричь». Прозвище Долгорукий восходит, как неоднократно отмечалось в литературе, к летописанию XV в.⁷, то есть времени спустя три столетия после эпохи, в которую он жил. В родословных статьях «Кто колико княжилъ» и «А се князи русьстии», читающихся перед Комиссионным списком *Новгородской первой летописи младшего извода*, Юрий назван сначала «Долгая Рука» (дважды) и собственно «Долгоругий»⁸. Только начиная с этого времени данное прозвище постепенно закрепляется за князем. В XVI в. оно присутствует уже в целом ряде памятников, таких, например, как *Воскресенская* и *Никоновская* летописи, *Тверской летописный сборник*, *летопись Авраамки*, *Степенная книга*.

Почему Юрий Владимирович получил такое прозвище, летописи умалчивают. Объяснение этому впервые находим в одной из поздних редакций *Повести о зачале Москвы*, известной в списке третьей четверти XVIII в., где о Юрии сообщается следующее:

Он же от родителей своих именовася Долгорукой, зане зело был из отрочества своего милостив и податлив ко всем своим безпомощным своєю десницею, аще что имаше в руках своих, то все раздаяше требующим. И оттого вину прият от всех Долгорукий зватися⁹.

Эту характеристику основателя Москвы А.Ю. Карпов счёл «совершенно фантастической»¹⁰, полагая, что «она имеет своим источником объяснение прозвища другого знаменитого правителя, также фигурирующего в повестях и сказаниях о начале Москвы, — Ивана Даниловича Калиты»¹¹, естественно, в его благоприятной для князя окраске. Вывод исследователя не безупречен. Он не подкреплён серьёзным источниковедческим анализом памятника, выяснением его места в кругу других литературных произведений, отражающих взгляды и представления московских книжников об основателе Москвы.

В историографии наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой Долгоруким суздальский князь был прозван за то, что постоянно пытался распространить свою власть на другие, кроме Ростово-Суздальской, древнерусские земли, «тянул свои руки» из отдалённого Суздаля к Киеву и, в конце концов, достиг «златого» киевского стола¹². Добывание последнего и вправду составляло для Юрия едва ли не основное содержание его политической жизни. Однако данное обстоятельство, как представляется, не было решающим аргументом в выборе северо-восточными книжниками прозвища для этого князя. Примеры подобных, чисто умозрительных прозвищ, в Древней Руси неизвестны. Да и стремление Юрия стать киевским князем было отнюдь не удивительно.

В своей борьбе за киевский стол он исходил из права на него старшего в роду и не выказывал каких-либо претензий на Киев до тех пор, пока не начало действовать соглашение, известное в историографии под названием «ряда Мономаха». Суть его заключалась в том, что столица Руси должна была остаться в руках потомства старшего Мономашича Мстислава в обход младших сыновей от второго брака¹³. Старшим же во второй семье Владимира Всеволодовича был как раз Юрий¹⁴, вполне естественно посчитавший себя в этой ситуации обойдённым и потому начавший ожесточённую борьбу за отцовское наследие на киевском юге. Политические устремления суздальского князя не были, таким образом, столь необычными, чтобы явиться причиной данного ему потомками прозвища. Домогательства Юрием Киева, основывавшиеся на «лествичном» праве, были вполне понятны не только в XII в., когда он жил, но и в XV в. — когда стал прозываться Долгоруким.

Само прозвище Долгорукий для истории Древней Руси не уникально. Согласно наблюдениям Е.В. Пчелова,

подобное прозвание усваивалось ещё двум князьям: родоначальнику Вяземских, потомку Мстислава Великого, князю Андрею Владимировичу (рубеж XIII–XIV вв.) и родоначальнику Долгоруковых, потомку Михаила черниговского, князю Ивану Андреевичу Оболенскому, жившему в XV в.¹⁵

Прозвище первого исследователь объяснял «его военными делами». Второй же якобы «был прозван Долгоруким за свою мстительность»¹⁶. Судя, однако, по некоторым поздним данным, такое прозвище скорее объяснялось их мнимым родством с Юрием Владимировичем, нежели какими-то личными качествами¹⁷. Но как бы то ни было, на Юрия ни ту, ни другую из предложенных им трактовок Е.В. Пчелов не распространял. По его предположению, «прозвище Юрия могло отражать конкретные физические особенности»¹⁸, то есть, согласно логике исследователя, у него могли быть непропорционально большие руки или, скажем, одна рука длиннее другой. Но в этом случае следовало ожидать, что данное прозвище закрепилось бы за князем ещё при жизни или вскоре после смерти, а не через три века спустя. Казалось бы,

подтвердить или окончательно опровергнуть эту версию может изучение останков князя. Однако связываемые с его именем останки, которые были найдены в ходе раскопок церкви Спаса-на-Берестове (1989 г.), очень плохой сохранности и до сих пор не отождествлены с большей или меньшей надёжностью¹⁹. Версия происхождения прозвища князя, вскользь высказанная Е.В. Пчеловым, таким образом, не имеет под собой каких-либо серьёзных оснований и представляет собой не более чем догадку.

Н.М. Карамзин, весьма сдержанный в своих оценочных характеристиках деятельности Юрия²⁰, полагал, что прозвище этого князя литературного происхождения. Глухо сославшись на мнение известного русского историка XVIII в. князя М.М. Щербатова, он высказал догадку, что «Георгия в нравственном смысле прозвали Долгоруким или Долгою Рукою (подобно персидскому царю Артаксерксу) за его алчность к приобретению»²¹.

Между тем, в *Истории Российской от древнейших времён* М.М. Щербатова сравнения Юрия с Артаксерксом не обнаруживается. Характеризуя Юрия Владимировича как великого монарха, храброго воина и хитрого политика он отмечал, что

данного ему наименования Долгорукого я нигде причины не обретаю, чтобы то от какого не совершенства телесного происходило, и тако, мнится мне, что всегда оказуемое им желание всё к себе заграбить, могло причину к сему наименованию подать²².

Приписываемое М.М. Щербатову наблюдение было поддержано и развито А.С. Орловым, который, в частности, утверждал, что «некоторые древнерусские прозвища несомненно переведены с греческого; например, Юрий “Долгорукий”. В византийской хронике Амартола Артаксеркс назывался “Макрохейр”, т.е. Долгорукий»²³. Автор новейшего жизнеописания Юрия Долгорукого — А.Ю. Карпов, демонстрируя своё знакомство с мнением Щербатова (в передаче Карамзина) в этой связи вскользь замечает:

прозвище «Долгорукий» древнерусским книжникам было хорошо известно — так звали древнего персидского царя Артаксеркса (очевидно, Артаксеркса I, 465–424 до н.э.). Это прозвище сопровождает имя царя в русских переводных сочинениях, в том числе домонгольского времени [...] Но прозвище Артаксеркса является калькой с греческого Макрохейрос (греч. Длиннорукий) — и, вероятно, оно обязано своим происхождением именно внешности персидского правителя²⁴.

Исследователь отрицает возможность книжного происхождения прозвища Юрия Владимировича, полагая, что оно «накрепко прилепилось к князю» ещё при его жизни. Основанием так считать для него является присутствие данного прозвища «во множестве памятников, начиная уже с XVI века, — причём не только новгородских, но и московских, тверских, ростовских»²⁵. Почему же тогда оно отсутствует в более ранних источниках, более-менее современных Юрию, А.Ю. Карпов не объясняет.

Версию о литературном происхождении прозвища Юрия сбрасывать со счетов, таким образом, не приходится. Именно она представляется наиболее вероятной, лучше всего отвечающей характеру древнерусского историописания, опиравшегося на библейские тексты и тексты переводных греческих хроник²⁶. Принимая её, попытаемся определить мотивы переноса на князя прозвища персидского царя, что до сих пор остаётся не выясненным.

Дважды упомянутый в *Хронике* Георгия Амартола Артаксеркс кроме своего прозвища «Долгорукуи» более не выказывает иных качеств, которые бы сближали его с Юрием Владимировичем²⁷. Согласно *Жизнеописаниям* Плутарха, Артаксеркс носил прозвище Долгорукого, «потому что правая рука у него была длиннее левой». Он превосходил всех, кто царствовал в Персии, «милосердием и величием духа». Артаксеркс Долгорукий прожил, как заключал Плутарх, «девятисто четыре года, правил царством шестьдесят два и оставил по себе славу доброго, любящего своих подданных государя»²⁸. Плутарх же приписывал ему следующее изречение: «Царское дело не в том, чтобы брать, а в том, чтобы давать»²⁹. Как о мудром и добром правителе отзывался об Артаксерксе и Диодор Сицилийский.

О добродетелях же Юрия летопись высказывается довольно сдержанно. Даже сообщая о его смерти, летописец не сложил ему обычной похвалы³⁰. Памятным стал лишь «обед силен», устроенный Юрием в 1147 г. во время встречи со Святославом Ольговичем и его сыновьями в Москве:

и приславъ Гюргии . ре^а приди ко мнѣ брате въ Московъ Сѣславъ же ѣха к нему . съ дѣтатемъ свои^а Ѡлгомъ в малѣ дружинѣ . поима со собою Володимира Сѣславича . Ѡлегъ же ѣха . напередъ къ Гюргеви . и да е пардоусъ . и приѣха по немъ ѡдѣ его Сѣславъ . и тако любезно цѣловаста^б въ днь патокъ на Похвалоу сѣби Бѣи и тако быша весели на оутрии же днь повелѣ Гюрги оустроити ѡбѣдъ силенъ и створи чѣть великоу имъ и да Сѣславоу дары многы . съ любовию и снви его . Ѡлгови и Володимироу . Сѣславичю и моуже Сѣславлѣ оучреди . и тако ѡпоусти и.³¹

Это вполне достоверное летописное известие, столь охотно цитируемое в среде русской художественной интеллигенции конца XIX — первой половины XX вв.³², стилистически одето в изящную литературную формулу, заимствованную древнерусским книжником из *Истории иудейской войны* Иосифа Флавия. Поставленный римским полководцем Антипатром «воеводою владати на Иерусалим и на окрестныя», брат Ирода Фасаил после заключения перемирия с враждующими с ним военачальниками Антигоном и Пакором, «обедъ силенъ оучинивъ и възва на съ вои своими и почести ихъ добре съ великими дарми отпусти»³³. Этот Фасаил был, по словам Флавия, «умом хитръ и естеством».

Под влиянием религиозно-политических идей, сложившихся в кругу московских книжников XV–XVI вв. историческая память о Юрии Долгоруком

получила церковную окраску. К тому времени, очевидно, и следует относить обретение окончательной формы прозвища Долгорукий. *Книга степенная*, как и близкие ей по времени летописи, демонстрирует неустойчивость прозвища Юрия Владимировича, называя его то «Долгоруков», то «Долгорукой», предпочитая, впрочем, «рекомый Долгорукий»³⁴.

Возможно, историографы макарьевской эпохи, создавая образ милостивого и щедрого («что имаше в своих руках раздающе нуждавшим») князя Юрия Владимировича — предка московских правителей, положившего «начало Московскому царствию»³⁵, вдохновлялись примером «доброто и щедрото» царя Артаксеркса I Долгорукого. Последний позволил священнику и книжнику Ездру отправиться из Вавилона в Иерусалим и дал ему «все по желанию его, так как рука Господа, Бога его, была над ним» (*Езд.* 7: 6). Артаксеркс издал указ, повелевавший Ездру на всё собранное серебро и золото, «которое царь и советники его пожертвовали Богу Израилеву, Которого жилище в Иерусалиме», купить «волов, овнов, агнцев, и хлебных приношений к ним и возлияний для них, и принести их на жертвенник дома Бога нашего в Иерусалиме» (*Езд.* 7: 15–17). Благодаря такой щедрости Артаксеркс упоминается в одном ряду с Киrom и Дарием в книге Ездры (*Езд.* 6, 14) как тот, чьё расположение способствовало строительству «дома Божия» в Иерусалиме, хотя фактически храм был построен при Кире и Дарии. Для читателей же *Хроники* Амартола Артаксеркс был известен тем, что на двадцатый год его царствования «Иеремия вшедьи градъ създа, ихже Ездра истовее намъ исповеда»³⁶. Этим городом, отстроенным Иеремией с разрешения Артаксеркса, был Иерусалим.

В памятниках древнерусской письменности XV–XVI вв. тема щедрости и прочих добродетелей Юрия Владимировича подробно не разработана³⁷. Можно осторожно предположить, что его уподобление Артаксерксу Долгорукому скрыто в указании на превосходство князя над своими старшими братьями. Шестой сын Владимира Мономаха³⁸, по мнению составителей *Степенной книги*,

истинный же наследник отечеству Русьскаго царствия [...] аще и не въ Кieve тогда начальствуя, но въ Суждале господствуя и въ Ростове, честию же преспеявая паче всехъ старейшихъ во братии своей, паки же и Киевскую державу приять³⁹.

Эта «честь» могла выражаться не только во владельческом достоинстве кратковременного обладателя киевского великокняжеского престола, но и в «доброчестии» князя, предполагаемом величии его духа и поступков, сопоставимых с качествами персидского царя Артаксеркса I Долгорукого.

В то же время на подобие Юрия Владимировича данному персидскому царю, содействовавшему постройке Иерусалимского храма и восстановлению Иерусалима, вполне могло указывать и активное церковное строительство князя, на чём акцентировалось внимание в *Степенной книге*⁴⁰, а также

его роль как строителя Москвы⁴¹. Не будем забывать, что последняя позиционировалась в московской книжности того времени в качестве «Нового Иерусалима».

Таким образом, версия о том, что прозвище Долгорукий применительно к князю Юрию Владимировичу является заимствованным из переводной литературы, в которой оно присваивалось персидскому царю Артаксерксу, выглядит в сравнении с другими высказывавшимися в литературе версиями наиболее предпочтительной. Приводимые нами аргументы в объяснение такого заимствования являются, естественно, гипотетическими, однако хорошо согласуются с особенностями историописания той эпохи, когда за Юрием закрепилось данное прозвище.

1 ПСРЛ 2: 577, 611.

2 Таким же прозвищем прозывался некий Семён (Семюно), «подобный лисицы ъи черьмности ради» галичанин (ПСРЛ 2: 748, 759).

3 ПСРЛ 2: 488, 519.

4 Тихомиров М.Н. *Древняя Москва*. М., 1947, 29.

5 Ричка В. Ярослав Володимирович Галицький: чому «Осмомисл»? *Ruthenica*, VI (2007), 345–350.

6 В семье Владимира Мономаха, именовавшегося так в связи с тем, что его мать принадлежала к византийскому императорскому роду Мономахов, прозвища, как можно заметить, вообще были достаточно популярны. Так, старший сын князя Мстислав имел прозвище Великий, а единоутробный брат Юрия Долгорукого Андрей, родившийся во втором браке отца, назывался Добрым.

7 Кучкин В.А. Юрий Долгорукий. *Вопросы истории*. 1996, № 7, 55; Пчелов Е. Генеалогия семьи Юрия Долгорукого. *Ruthenica*, III (2004), 71; Карпов А.Ю. *Юрий Долгорукий*. М., 2006, 102.

8 НПЛ: 465, 466, 467.

9 *Повести о начале Москвы*. Исслед. и подгот. текстов М.А. Салминой. М.; Л., 1964, 197.

10 Карпов А.Ю. *Юрий Долгорукий*, 103.

11 Там же, 384.

12 Кучкин В.А. Юрий Долгорукий, 55; Карпов А.Ю. *Юрий Долгорукий*, 102–103.

13 Кучкин В.А. Юрий Долгорукий, 38; Назаренко А.В. Династический проект Владимира Мономаха: попытка реформы киевского столонаследия в 30-е годы XII века. Его же. *Древняя Русь и славяне*. М., 2009, 96–97.

14 Кучкин В.А. Юрий Долгорукий, 35.

15 Пчелов Е. Генеалогия семьи Юрия Долгорукого, 71. В своё время Н.Н. Воронин обращал внимание на другой любопытный пример. Прозвище «Долгорукий» («Мхаргрдзели») получил, как он замечал, «Саргис Великий, крупный армянский феодал, назначенный царицей Тамарой на пост амирмпасалара (военного министра)» (Воронин Н.Н. *Андрей Боголюбский*. М., 2007, 287). Небезынтересно заметить в этой связи, что на царице Тамаре был женат внук Юрия Долгорукого, сын Андрея Боголюбского Юрий. Было ли с этим как-то связано прозвище Саргиса сказать, однако, трудно.

16 Пчелов Е.В. *Рюриковичи. История династии*. М., 2001, 110.

17 В пользу этого могут, в частности, свидетельствовать слова уже упоминавшейся *Повести о начале Москвы* о том, что Юрий стал прозываться «Долгоруким» «даже и до днесь, влечашеся в род и род» (*Повести о начале Москвы*, 197), имеющие ввиду, очевидно, князей Долгоруких, которые к Юрию на деле никакого отношения не имели.

18 Пчелов Е.В. *Рюриковичи. История династии*, 110.

19 Карпов А.Ю. *Юрий Долгорукий*, 370 — 372.

20 Этот князь, по мнению автора, «не имел добродетелей великого отца; не прославил себя в летописях, ни одним подвигом великодушия, ни одним действием добросердечия, свойственного Мономахову племени. Скромные летописцы наши редко говорят о злых качествах Государей, усердно хваля добрые; но Георгий, без сомнения, отличался первыми, когда, будучи сыном князя столь любимого, не умел заслужить любви народной... народ киевский столь ненавидел Долгорукого, что узнав о кончине его, разграбил дворец и сельский дом княжеский за Днепром, называемый *Раем*, также имение суздальских бояр, и многих из них умертвил в исступлении

- злости. Граждане, не хотев, кажется, чтобы и тело Георгиево лежало вместе с Мономаховым, погребли оно вне града, в Берестовской обители Спаса» (Карамзин Н.М. *История государства Российского в 12-ти томах*. Т. III. М., 1991, 168).
- 21 Карамзин Н.М. *История государства Российского в 12-ти томах*. Т. III, 336.
 - 22 Щербатов М.М. *История Российская от древнейших времен*. Т. II. СПб., 1771, 252–253.
 - 23 Орлов А.С. *Древняя русская литература XI–XVII вв.* М.; Л., 1945, 68.
 - 24 Карпов А.Ю. *Юрий Долгорукий*, 103.
 - 25 Там же, 102.
 - 26 Подр. см.: Данилевский И.Н. *Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов*. М., 2004.
 - 27 Истрин В.М. *Книги временных и образных Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе*. Т. I: Текст. Петроград, 1920, 198, 285.
 - 28 Плутарх. *Сравнительные жизнеописания*. В 2-х томах. Т. 2. М., 1994, 506, 522.
 - 29 Плутарх. Изречения царей и полководцев. Плутарх. *Застольные беседы*. Л., 1990, 341.
 - 30 См.: ПСРЛ 1: 347; ПСРЛ 2: 489.
 - 31 ПСРЛ 2: 339–340.
 - 32 Бунин И.А. Чистый понедельник. Его же. *Собрание сочинений в четырех томах*. Т. IV. М., 1988, 204–205.
 - 33 *История Иудейской войны Иосифа Флавия*. Древнерусский перевод. Т. I. Отв. ред. А.М. Молдован; Изд. подг. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева, Г.С. Баранков, А.М. Уткин. М., 2004, 88; Мешерский Н.А. *История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе*. М.; Л., 1958, 190.
 - 34 ПСРЛ 21: 45, 192, 195.
 - 35 ПСРЛ 21: 189.
 - 36 Истрин В.М. *Книги временных и образных Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе*. Т. I, 285.
 - 37 Она получит своё развитие позднее, в частности в упоминавшейся выше *Повести о зачале Москвы*, известной в списке третьей четверти XVIII в.
 - 38 То, что он был именно шестым сыном Мономаха, а не седьмым, как это утверждалось в *Степенной книге* (ПСРЛ 21: 190), показали исследования В.Л. Янина и В.А. Кучкина (Янин В.Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила». *ТОДРЛ*. Т. XVI. М., 1960, 112–131; Кучкин В.А. *Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв.* М., 1984, 68; Его же. Юрий Долгорукий, 35).
 - 39 ПСРЛ 21: 190.
 - 40 ПСРЛ 21: 192.
 - 41 Согласно известию *Тверского сборника* (XVI в.), отсутствующему в древнерусских летописях, в 1156 г. «князь великий Юрий Володимерич заложи градъ Москву, на устниже Неглинны, выше реки Аузы» (ПСРЛ: 15: 225).

Владимир Рычка, Александр Ищенко

«Овогда ж писати в передняя, овогда же вступати в задняя»: про техніку створення давньоруських історичних творів

У *Галицько-Волинському літописі* (ГВл) тричі й тільки у першій, «галицькій», частині зустрічається доволі рідкісний вираз «овогда ... овогда»¹. Він є очевидно книжним² і, найімовірніше, вказує на належність цих фрагментів тексту єдиному авторові, орієнтованому на «високі» літературні зразки. У ГВл, найбільш вірогідно, він запозичений із *Історії іудейської війни* Йосифа Флавія. Тут цей зворот зустрічається теж тричі³:

1) Кн. 1, гл. XXIII, 2: «**овогда** ѿ своего замышления мльва. **овогда** съ своео дрѣжинѣ кажа проповѣдати людемъ. дондеже ѿсѣче оупованіе братамо црѣское»⁴;